

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ

Авторы: С. С. Скорвид

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ, 1) гласные в речевом потоке, подвергшиеся *редукции*.

2) Особые гласные среднего или средне-верхнего подъёма непереднего и переднего ряда (в трактовке С. Б. *Бернштейна* – сверхкраткие), унаследованные древними *славянскими языками* из праславянского языка. В реконструкциях традиционно обозначаются буквами «ъ» и «ь» – кириллич. соответствиями глаголич. букв, обозначавших эти гласные в *старославянском языке* (напр., *съпъ – старославянское сънъ ‘сон’, *дъпъ – старославянское дънь ‘день’).

В праславянском яз. Р. г. возникли из кратких индоевропейских *ĩ и *ÿ. Как самостоят. *фонемы* Р. г. могли находиться и под ударением, и в безударных слогах. В сочетании с j они были представлены позиционными вариантами, которые по традиции называют «редуцированный ы» (напр., в старославянском яз. прилагательное добри<*dobrъjь) и «редуцированный и» (прилагательное божи<*božьjь).

В период с 11 в. до 1-й пол. 13 в. Р. г. в истории всех слав. языков утратились. В зависимости от их позиции в *словоформе* происходило: в слабой позиции их полное исчезновение (т. н. падение редуцированных), в сильной – изменение в нередуцированные, первоначально в большинстве случаев краткие, гласные (т. н. прояснение, или вокализация).

По базовому правилу, сформулированному (первоначально для др.-чеш. яз.)

А. Гавликом, слабой была позиция в абсолютном конце словоформы (напр., *domъ ‘дом’, *konъ ‘конь’), а в неконечном положении – перед слогом с нередуцированным гласным (напр., *pravьda ‘правда’) или редуцированным в сильной позиции; таковой была прежде всего позиция перед слогом со слабым редуцированным (напр., съпъ,

дьнь, но дъне 'дня' и т. д.).

В сильной позиции *ь и *ъ изменялись: в вост.-слав., макед., а первоначально в ср.-словацкой и верхнелужицкой области в «е» и «о» (рус., укр. «день», белорус. «дзень», макед. «ден»; рус., укр., белорус., макед. «сон»; словац. deň, sen, но также lož 'ложь' и dážd' 'дождь'; верхнелужицкое són, džeń, но также dešć); в вост. части болг. ареала – в «е» и «средний», нелабиализованный ѣ, в лит. болг. языке обозначающийся буквой «ъ» («ден», «сън»); в чеш., польск. и нижнелужицком языках в «е» при отвердении согласных перед «е» <*ъ в чеш. яз. (den, sen) и сохранении их мягкости в польском (dzień, sen) и нижнелужицком (žeń, sen) языках; в словенском в «средний» э, при вторичном продлении слога переходивший в «а» (sen [sèn], но dan [dân]); в сербскохорватском ареале через э в «а» при любой длительности слога (cǎn, дан). В полабском яз. на месте *ь, *ъ в сильной позиции находим «а», â, i (dan, dâzd, lüt'it 'локоть').

Встречающиеся в отд. слав. языках и диалектах отклонения от описанного состояния, когда на месте слабых (по базовому правилу) редуцированных выступают рефлексы сильных (а иногда и другие гласные), объясняются по-разному: выравниванием основы в парадигме, стремлением избежать недопустимого скопления согласных (особенно в начале слова), вообще неравномерно действующей по языкам инерцией старых принципов строения слога (ср. праславянское *тъгла – рус. «мгла», польск. mgła, но болг. «мъгла», макед. «магла», сербскохорватское «магла», словен. megla [mɛgla]).

Различную судьбу в слав. языках имели Р. г. в сочетаниях с плавными г и л, а также «редуцированный ы» и «редуцированный и».

В результате утраты Р. г. произошли коренные изменения в фонетич. и морфологич. системах слав. языков: возникли закрытые слоги (ср. *do|тъ>dom) и ранее невозможные в пределах одного слога сочетания согласных (ср. *тъ|гъ|да→рус. «то|гда», чеш. диал. te|hda, лит. te|hdy); развились процессы ассимиляции и диссимиляции согласных, в т. ч. ассимиляция по твёрдости-мягкости (ср. *pra|вь|да→рус. «пра|вда», но «пра|вед|ный» с мягкими «в») и глухости-звонкости [ср. *сь|де(|сь)→рус. «здесь», чеш. zde]; появились беглые гласные (ср. рус. «сон» – «сна»,

чеш., польск. sen – snu), нулевая флексия (ср. *dom-ъ>dom-∅) и т. д. Вследствие этих и др. процессов, связанных с утратой Р. г., углубились различия между слав. языками.

Литература

Лит.: Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке. [СПб.], 1856; Havlík A. K otázce jerové v staré češtině // Listy filologické. 1889. Roč. 16; Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916; Shevelov G. A prehistory of Slavic: the historical phonology of common Slavic. N. Y., 1965; Isačenko A. V. East Slavic morphophonemics and treatment of the Jers in Russian // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1970. Vol. 13; Журавлев В. К. Правило Гавлика и механизм падения славянских редуцированных // Вопросы языкознания. 1977. № 6; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; он же. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004; Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. М., 2005; Мейе А. Общеславянский язык. 3-е изд. М., 2011.